

Андрей Кострюков

Рец. на: И.В. Петров. Меж двух зол. Православное духовенство на временно оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. М.: Посев, 2021. 744 с., ил.

Andrey Kostryukov

(Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: I.V. Petrov. Mezh dvukh zol. Pravoslavnoye dukhovenstvo na vremennno okkupirovannoy territorii RSFSR v 1941–1944 gg. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722030220, EDN: FYIOAU

Положение православной Церкви на территориях, оккупированных Германией и её союзниками в годы Второй мировой войны, в настоящее время вызывает у исследователей особый интерес. В 2021 г. историография пополнилась ещё одним серьёзным трудом – книгой кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории Санкт-Петербургского государственного университета И.В. Петрова, автора монографий «Православная Балтия: период войн, репрессий и международных противоречий» (СПб., 2016) и «У последней черты. Конфессии Ленинграда в 1941–1953 гг.: борьба за выживание и признание властью» (М., 2020). Вопросы, рассматриваемые им в новой работе, не столь просты, как это кажется на первый взгляд. При поверхностном подходе у стороннего человека может сложиться примитивная схема, в которой церковная жизнь в условиях оккупации сводится к «партизанским батюшкам» (а среди них, как известно, встречались и агенты НКВД¹) или к «коллорационизму». При беспристрастном же изучении источников всё оказывается гораздо сложнее.

Между тем многие архивные фонды, в том числе и региональные, до сих пор закрыты. И это лучше всего «говорит о нежелании государства и общества ответить перед самими собой

на вопрос о том, что происходило под оккупацией» (с. 5). Что же касается публикации сборников документов, то в последнее время она производится со странной выборкой и с пристрастными комментариями. Иногда они выглядят так, будто задачей их составителей являлось «оправдание деятельности советских карательных служб и сталинского руководства по отношению к реальным и мнимым врагам» (с. 5). Тем не менее Петров старался максимально охватить доступные материалы, хранящиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Калужской, Курской, Новгородской, Орловской, Псковской, Ростовской и Смоленской областей, Краснодарского и Ставропольского краёв, а также Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и ФРГ. Кроме того, он широко использовал периодическую печать, выходившую на оккупированных территориях. Источниковая база исследования и историография темы подробно характеризуются автором в первой главе монографии.

В книге рассматривается место Церкви в планах нацистских ведомств, выявляются пути возрождения духовной жизни и решения канонических проблем в обстановке войны, характеризуются отношения верующих с оккупационными властями, участие священников и прихожан в их кам-

паниях, раскрываются особенности советской и германской пропаганды в религиозной сфере и т.д. Так, отмечаются изменения в конфессиональной политике Третьего рейха: если в начале своего правления А. Гитлер мог подолгу беседовать с настоятелем католического монастыря, то впоследствии нацистское руководство дистанцировалось от религиозных структур и не допускало священнослужителей на свои мероприятия. А М. Борман даже проводил эксперимент по созданию «безрелигиозной области» в Познани (с. 143). В целом же с верующими в Германии обращались достаточно осторожно и старались не доводить их до взрыва.

Учитывается исследователем и предвоенное состояние православных епархий на территории РСФСР, а также специфика ситуации в других регионах Советского Союза, попавших в немецкие рейхскомиссариаты. Петров прослеживает судьбу открытых приходов, описывает советскую карательную политику после изгнания оккупантов и т.д. Таким образом, его работа и географически, и хронологически значительно шире тех рамок, которые указаны в названии.

Вторая глава посвящена положению приходов в Советском Союзе и особенно в регионах, присоединённых к нему в 1939–1940 гг. Автор приводит весьма интересные сведения о проблемах, возникавших в Прибалтике, Бессарабии, на западе Белоруссии и Украины. Храмы, до сентября 1939 г. находившиеся в ведении Польской Церкви, заново освящались представителями Московской патриархии как осквернённые, от клира требовалось покаяние в «расколе» (с. 181, 183). Всё это, естественно, вызывало негодование у местного населения. Одновременно шли аресты, от которых прежде всего страдали патриотически настроенные русские люди, ещё не-

давно ратовавшие за скорейшее вхождение в состав СССР (с. 195–196, 211).

В третьей главе говорится об обстоятельствах, возникших после начала Великой Отечественной войны (в том числе в Латвии и Эстонии, общинам которых Константинополь предоставил автономию), — о политике немцев в отношении православного духовенства в 1941–1942 гг., о начале возрождения приходской жизни на оккупированных территориях, о позиции обновленцев, остававшихся враждебными Русской Церкви. Здесь же рассказывается о Псковской миссии, целью которой являлось как возрождение православия, так и противодействие посягательству на каноническую юрисдикцию Московского патриархата со стороны автономных прибалтийских церквей. Попытки болгарских и румынских иерархов оказать помощь приходам и епархиям, оказавшимся под немецкой оккупацией, освещены в четвёртой главе (с. 337–348). В отдельном её разделе очерчена деятельность священников и монахов Финляндской Православной Церкви в Восточной Карелии и на Валааме, занятых финскими войсками (с. 348–355). Характерно, что Русскую Зарубежную Церковь (РПЦЗ), сочувствовавшую идее восстановления сильной и независимой государственной власти в России, нацисты в контролировавшиеся ими районы не допускали и относились к ней с большим недоверием (с. 293–337).

Пятая глава монографии выразительно названа «Коллаборация и Резистанс: самый сложный вопрос Церкви и общества». Петров признаёт, что священники, занимавшиеся своими прямыми обязанностями — богослужением и проповедью, не могли полностью избежать контактов и того или иного сотрудничества с захватчиками, однако «в большинстве своём вынужденные обязанности пастыри выпол-

няли без инициативы и редко давали немцам какую-нибудь необычную информацию» (с. 376). Священнослужители сами находились под наблюдением германских спецслужб и были весьма осторожны. Большинство же приписанных им позднее злодеяний объяснялось предвзятыми наветами, партийной пропагандой или самооговорами, сделанными под давлением НКВД.

Шестая глава повествует о происходившем в Крыму, где, по мнению исследователя, наиболее жёстко столкнулись самые разные церковные круги, отстаивавшие свои интересы. Там действовали украинские автономисты, автокефалисты, обновленцы, румынское военное духовенство и др. Кроме того, упорно распространялись слухи о передаче именно этого региона в юрисдикцию РПЦЗ. В седьмой главе речь идёт о жизни православных приходов в оккупированных областях России с середины 1942 до середины 1943 г. Любопытно, что на некоторые из них претендовали белорусские и украинские структуры. В восьмой главе подробно анализируется роль Псковской православной миссии, которая, как убедительно доказывает историк, отнюдь не являлась «филиалом немецкой разведки». Более того, её глава — митрополит Сергей (Воскресенский) — оставался единственным архиереем, кто прямо и безбоязненно заявлял о единстве с митрополитом (с 1943 г. патриархом) Сергием (Страгородским). В целом, как констатирует автор, без Псковской миссии не удалось бы достичь столь масштабного возрождения Церкви на захваченной врагом территории (с. 643). В девятой главе описана эвакуация священников и мирян при отступлении Вермахта, приводятся сведения о судьбе служивших «под немцами» пастырей, как эмигрировавших после 1943 г., так и оставшихся в СССР, а также выявляются основные черты

советской конфессиональной политики на освобождаемых землях.

К сожалению, в работе имеются недостатки, и главный из них — отсутствие именного указателя. Поиск нужного имени в объёмном томе создаёт читателю немало трудностей. Встречаются и некоторые неточности, в частности, довольно распространённая ошибка — употребление выражения «Русская Православная Церковь Московского патриархата» (с. 6), тогда как «Русская Православная Церковь» и «Московский патриархат» — синонимы. Для противопоставления другим структурам, например, катакомбникам или РПЦЗ, лучше использовать иную терминологию.

Можно отметить и другие погрешности. Так, священномученик Дамиан (Воскресенский) назван Дамианом (Говоровым) (с. 152); протопресвитер Георгий Шавельский — Шавельским (с. 398), что, к сожалению, часто делается в литературе; убийца митрополита Георгия (Ярошевского) архимандрит Смарагд носил фамилию не Латышенко, а Латышенков (с. 159); великомученик Пантелеимон неоднократно упомянут как святитель (чин святости архиереев) (с. 469–470), и данная деталь, попавшая в книгу из прессы, весьма показательна для характеристики церковности журналистов тех лет. Исследователю следовало бы указать и на недостоверность появившегося в крымской газете сообщения о посещении в 1943 г. патриархом Сергием (Страгородским) Ближнего Востока (с. 479), поскольку на самом деле такого путешествия, разумеется, не было.

Но, безусловно, для столь большого и серьёзного труда подобные упущения, зачастую технические, вполне простительны. Автору удалось написать спокойное беспристрастное исследование, которое поможет лучше понять всю сложность служения православного духовенства в зоне ок-

купации. Вне всякого сомнения, монография И.В. Петрова вносит существенный вклад в изучение истории Церкви в XX в.

Примечание

¹ См., например: *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 470.